

УДК 942.073(093.32)

Т.Л. Лабутина**БРИТАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ В БОРЬБЕ ЗА ПРЕФЕРЕНЦИИ
В ТОРГОВОМ ДОГОВОРЕ 1766 ГОДА
(по материалам переписки английских послов)**

Исследуется стратегия и тактика британских дипломатов в борьбе за преференции при заключении торгового договора с Россией в 1766 году. Анализ проблемы предваряет предыстория англо-русских торговых связей с момента установления экономических и дипломатических отношений двух стран в 1553–1556 годах. Подчеркивается первостепенное значение торговых отношений в политике обоих государств. Обращается внимание на активную роль в торговом диалоге со стороны англичан и пассивную со стороны русского купечества в силу объективных причин: слабости правительства, его стремления даже ценой значительных уступок добиться признания на Западе, необходимости в зарубежных товарах и т.д. В XVIII веке с укреплением позиций Российского государства на международной арене правительство меняет свою политику в сфере торговли, добивается преференций для своей страны. Показателен в этом отношении пример заключения российско-британского торгового договора от 1766 года. Несмотря на многолетние усилия британских дипломатов графа Бекингема и Дж. Маккартни, этот договор, который был выгоден обеим сторонам и способствовал дальнейшему укреплению экономических связей между странами, был подписан на условиях, продиктованных российской стороной.

Великобритания, Россия, XVIII век, экономика, торговля, торговый договор 1766 года, британские дипломаты, граф Бекингем, Дж. Маккартни.

Торговля в англо-русских отношениях всегда занимала важное, если не сказать, первостепенное место. Неслучайно именно экономические связи Англии и Московского государства во многом способствовали установлению дипломатических отношений между государствами. В марте 1556 года известный путешественник, «открывший» Московию, Ричард Ченслер получил первую жалованную грамоту от царя Ивана Грозного, позволявшую англичанам вести беспошлинную торговлю в Московском государстве¹. Между тем Англия и Россия, вступившие в диалог, ставили перед собой совершенно разные цели. В то время как царь пытался проложить кратчайшую морскую дорогу на Запад, опираясь на поддержку англичан, через экономические с ней связи, политический союз, а возможно и династический брак, англичане преследовали исключительно коммерческие цели. В этом очень скоро убедился сам царь. В разговоре с английским посланником Даниилом Сильвестром Иван Грозный упрекнул англичан в том, что у них «купеческие дела поставлены впереди и сочтены важнее наших

¹ Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 20–23.

дел, хотя успех должен бы зависеть от сих последних»². На взгляд ученого Ф. Мартенса, английское правительство «смотрело на Московское государство только как на новый рынок для выгодного сбыта английских произведений и для получения нужного для английской промышленности сырья...»³. По утверждению историка М.А. Алпатова, «при всех переменах политика Англии по отношению к России оставалась неизменной — она состояла в помощи английским купцам и прокладывании торгового пути на восток через Россию и в освоении русского рынка»⁴. Английское правительство настойчиво добивалось для своих купцов беспопытной торговли и других льгот, защищало их, когда возникали конфликты с русскими властями, даже если купцы совершали неблагоприятные операции с деньгами и товарами. «Дипломатические отношения Англии с Россией того времени, — продолжал ученый, — это бесконечные домогательства английской стороны о привилегиях ее купцам, протесты против любых ущемлений их привилегий, защита про штрафованных негоциантов, выяснение бесконечных недоразумений. Что же касается политического союза, чего добивалась Россия, то английская сторона решительно уклонялась от этого. Столь противоположные позиции сторон приводили к частым конфликтам», — справедливо заключал историк⁵.

Не только Иван Грозный, но и известный «ласкатель» англичан Борис Годунов способствовали тому, что Московская торговая компания британцев стала процветать. Согласно официальным данным шотландских архивов, прибыли компании нередко достигали 300–400 процентов⁶. Большие дивиденды из торговли в России британские негоцианты продолжали извлекать и в правление первых Романовых⁷.

В XVIII веке Великобритания окончательно становится главным торговым партнером России. Как отмечал А.В. Демкин, на протяжении столетия было отмечено бурное развитие британской промышленности, требовавшей все больше и больше сырья и полуфабрикатов. Великобритания потребляла основную долю вывозимых из России традиционных статей ее экспорта: пеньки и льна. Британские купцы покупали почти все экспортное русское железо. «Можно без преувеличения сказать, — продолжал историк, — что британский флот (и прежде всего военный) был создан по преимуществу из материалов, вывезенных из России. Россия же потребляла готовые изделия британской промышленности: сукна, ткани, различные предметы обихода (среди них важное место занимали предметы роскоши) и т. д.». В результате в XVIII веке сложилась такая ситуация, когда оба государства сделались необходимы друг другу как экономические партнеры.

² Грамоты, собранные, переписанные и изданные Ю. Толстым // Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875. С. 187.

³ Мартенс Ф. Россия и Англия в продолжении XVI и XVII веков // Русская мысль. М., 1891. Кн. I. С. 75–76.

⁴ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 274.

⁵ Там же. С. 266–267.

⁶ Tudor Economic Documents Principal Navigation. Glasgow, 1973. Vol. II.

⁷ Лабутина Т.Л. Англичане в петровской России. С. 119–123.

«Промышленность и флот Великобритании не могли существовать без поставок сырья и полуфабрикатов из России. В то же время никто кроме британских купцов не мог купить у России производимое ею огромное количество экспортных товаров»⁸.

Интенсивные торговые контакты с Англией можно было наблюдать уже в правление Петра I. Об этом свидетельствовал профессиональный купец и известный литератор Британии Д. Дефо. «Мы посылаем теперь 100 судов в год вместо 8–9, как в прошлые годы», — писал он в 1705 году в журнале “The Consolidator”⁹. В целом за 10 лет, с 1698 по 1708 год, объем англо-русского товарооборота, по признанию ученого В.М. Матвеева, утроился¹⁰.

По мере укрепления англичанами своих позиций на русском рынке их аппетиты только росли. И вот уже британский резидент Джордж Маккензи 10 марта 1715 года направляет Петру I от имени короля Георга I Ганновера меморандум, в котором были высказаны пожелания (скорее требования) монарха, касающиеся торговли двух стран. В меморандуме, в частности, говорилось о необходимости разрешения российского правительства «свободной и открытой торговли для всех купцов, подданных Великобритании»; об освобождении их от уплаты налогов, а также от постоя солдат; о том, чтобы «подданные Его Величества были подсудны британским судам» и чтобы «книги, письма и другие бумаги фактории не досматривались»¹¹.

В какой мере подобные требования британских властей были выполнены российским правительством, трудно сказать, поскольку каких-либо документальных свидетельств об этом обнаружить не удалось. Остается только предполагать, что царское правительство во многом шло на уступки британцам, поскольку было крайне заинтересовано в торговле с Англией. Во всяком случае на это указывает проект торгового договора, представленный русским послом князем Б.И. Куракиным государственному секретарю лорду Таунсенду 23 марта 1715 года и аналогичный проект англичан, составленный в мае того же года¹². Однако, судя по всему, представленные обеими сторонами условия договора не устроили ни англичан, ни русских. Во всяком случае торговый договор между Англией и Россией был заключен уже после ухода из жизни Петра I, в 1734 году.

На взгляд современных специалистов, это был первый документ в истории англо-русских отношений, который создал реальные преимущества для британских купцов в России. Ряд его статей (эксклюзивное право торговли с Персией через территорию России, оплата товаров в российской валюте, низкие размеры пошлин, освобождение от уплаты за арендуемые жилые помещения и т. д.) ставил британцев в привилегированное положение не только в сравнении с другими европейскими купцами, но и с русскими. На взгляд же Т.С. Минаевой, выго-

⁸ Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. М., 1994.

⁹ Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. L., 1998. P. 326.

¹⁰ Матвеев В.М. «Дипломатия в верхах» в XVII веке. Петр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне (1697–1698) // Петр Великий — реформатор России. М., 2001. С. 239.

¹¹ Britain and Russia... P. 139–140.

¹² Britain and Russia... P. 141–142, 144–146.

ды от заключения договора получали обе стороны: англичане — крупные прибыли от перепродажи русских и иранских товаров, а российские купцы, промышленники и государство — доходы от крупных сделок с британскими фирмами. Кроме того, продолжала историк, российские купцы с помощью британских судов могли вывозить свои товары в Европу, так как российский коммерческий флот в то время оставался еще малочисленным¹³. Между тем сами англичане расценили торговый договор как «блестящий коммерческий триумф Британии», а XVIII век назвали «золотым веком» в российско-британских торговых отношениях¹⁴.

Неудивительно, что в правление Екатерины II для англичан представлялось особенно важным добиться пролонгации указанного договора, обеспечивавшего «различные привилегии и поощрения» для торговли своей страны. Король Георг III потребовал от своего посла в России графа Бекингема, чтобы он употребил «все усилия к возобновлению вышепоименованных торговых обязательств»¹⁵. Кроме того, монарх давал послу ряд советов относительно того, как следовало защищать интересы своей страны в этом вопросе. «Вы обязаны оказывать помощь и покровительство торговле наших подданных во всех владениях императрицы и наблюдать за тем, чтобы они беспрепятственно пользовались всеми торговыми привилегиями, которые им принадлежат или... когда бы то ни было, принадлежали, — наставлял посла Георг III. — Кроме того, вы обязаны заботиться о доставлении им новых прав и привилегий, какие только могут быть предоставлены подданным иностранных держав, в случае если у кого-либо из них возникнет процесс или вообще какое-нибудь дело, зависящее от местных властей, вы обязаны стараться об оказании им скорой и полной справедливости и... доставлении им всякой зависящей от вас льготы». В то же время король рекомендовал послу для поддержания собственной репутации не принимать жалоб, «могущих наделать шума иначе как по поводу правого дела и, имея в руках законные доказательства», вообще вступать только в дела, заслуживающие вмешательства для поддержания прав и собственности британских подданных. Для надлежащего соблюдения правил торговли английских негодантов, поселившихся во владениях императрицы, король советовал внимательно следить за составлением и «доставлением торговых отчетов» от всех британских подданных в соответствии с постановлением Торговой комиссии от 1 апреля 1715 года¹⁶. Подобная отчетность позволяла правительству получать подробную информацию о состоянии торговли британских подданных в иностранных государствах, в том числе в России.

¹³ Минаева Т.С. Россия и Швеция в XVIII веке: история таможенной политики и таможенной системы. Архангельск, 2009. URL : <http://svts.ru/upload/iblock/81b/81b60e1ac911d2f3734054572ecdbfa3.pdf>

¹⁴ Kryatova D. British Merchants in Russia in the 18-th Century // Russian-British Links. Proceedings of the Conference Held in Saint-Petersburg in 2000 and 2001. St. Petersburg, 2002. P. 115, 117.

¹⁵ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник исторического общества. СПб., 1873. Т. 12. С. 17–18.

¹⁶ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. С. 21.

Между тем справиться с порученным заданием короля послу оказалось непросто. В первые же месяцы своего пребывания в России граф Бекингом начал вести переговоры по данному вопросу с князем Голицыным, однако не встретил с его стороны проявления интереса, а только «неприятную холодность». «По моему мнению, — сообщал в донесении государственному секретарю посол, — для нас всего лучше не входить ни в какие толки по этому предмету, а предложить составленный нами договор или сохранить старый, выговорив в нем как можно больше изменений в пользу компании»¹⁷. Однако предложения посла не были услышаны. Россия предпочитала ввести ряд новых статей в договор от 1734 года¹⁸. Добившись приватной встречи с канцлером Бестужевым, британский посол высказал ему свое удивление по поводу того, что был предложен совершенно новый торговый договор вместо продления действия предыдущего. Он подчеркнул, что о новом соглашении не может быть и речи, поскольку эта мера «рассчитана лишь с тем, чтобы отнять у англичан все привилегии и льготы, доставленные им в прежнее время справедливостью и политикой России, ниспровергая в то же время... основные законы торговли и мореплавания, и что подобный образ действий равнялся бы совершенному изгнанию из России народа, имеющего полное право на лучшее обращение, особенно в настоящую минуту, когда Англия всего менее ожидает подобное оскорбление»¹⁹. Выслушав «весьма любезно и внимательно» пламенную речь дипломата, канцлер заверил его, что императрица и окружающие ее лица желают поддерживать дружбу с Англией и попросил письменно подготовить возражения на этот проект, что посол и обещал незамедлительно исполнить.

Спустя неделю, граф Бекингом навестил вице-канцлера, который сообщил ему, что императрица вполне убеждена в необходимости заключить между обеими державами новый торговый договор и при этом поинтересовался у посла, не имеет ли он контрпроекта, который бы мог предложить взамен не получившего одобрения русского проекта. Поскольку Бекингом не решался самостоятельно принимать решение по данному вопросу, он просил государственного секретаря узнать мнение короля, прежде чем приступить к переговорам. «Мне кажется, — писал Бекингом, — что нам удастся доставить некоторые льготы для рижских купцов, хотя, с другой стороны, я опасаясь, что они будут настаивать на исключении девятого пункта проекта, в силу которого веревки, мачты, корабельный лес, паруса, смола и деготь в военное время не почитались бы за контрабанду»²⁰.

Как видно, англичане хотели добиться от России больших уступок и преференций в коммерческих операциях. «Если в силу торгового договора Англии будет предоставлено право торговать с Персией, выгоды, могущие возникнуть от этого для нас, не подлежат сомнению», — сообщал Бекингом государственному секретарю в феврале 1763 года. И далее продолжал: «Английским купцам

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке.

¹⁹ Дипломатическая переписка... С. 49.

²⁰ Дипломатическая переписка... С. 50–51.

было бы выгодно пользоваться в Астрахани теми же привилегиями, какие они имеют в Петербурге, Архангельске и т. д. Я упомянул об этом вице-канцлеру, предложив в то же время, чтобы правительство дозволило свободную торговлю персидскими товарами в Астрахани, взимая с англичан три процента таможенного сбора лишь за товары, назначенные к вывозу через Петербург за границу»²¹. Однако Екатерина II не торопилась с подписанием торгового договора, предпочитая увязать его продление с заключением оборонительного союза. Из беседы с графом Н.И. Паниным посол узнал, что императрица не считала возможным приступить к торговому договору немедленно, а также «придать ему столь же выгодное значение, иначе как в случае, если Англия заявит свое расположение к теснейшему соединению своих интересов с интересами России»²².

Чтобы ускорить решение вопроса о торговом договоре, граф Бекингем обратился к испытанному средству воздействия: подкупу влиятельных сановников. В одном из своих донесений в Лондон он сообщал, что получил от канцлера Бестужева бумаги, которые содержали списки ущерба России от английских крейсеров. При этом канцлер добавил, что и сам понес «значительную потерю в виде многих ценных предметов, посланных ему из Франции», однако не требует вознаграждения, а только докладывает об этом, «вполне полагаясь на милость Его Величества». Кроме того, Бестужев упомянул, что имеет немало долгов и «вследствие расстроенного здоровья не может много утомлять себя делами». Бекингем обещал передать содержание беседы королю, а затем, просмотрев бумаги, убедился, что понесенные убытки канцлера составляли немногим более полторы тысячи, хотя сам он говорил о двух тысячах фунтов стерлингов. Тем не менее, Бекингем высказал предложение, что «в случае, если бы Его Величеству было угодно предписать выдачу этих денег», то это произведет «весьма благоприятное впечатление»²³.

Британский посол был неплохо осведомлен о том, что сановники при дворе «очень избалованы подарками», а потому предлагал для успешного решения вопроса о торговом договоре «сделать подарки» не только канцлеру, но также графу Орлову, Панину и вице-канцлеру. И вскоре государственный секретарь Галифакс уведомил посла о том, что король ждет от него более подробную информацию касательно того, какую именно сумму следовало раздать лицам, упомянутым в депеше, и в каких размерах. В том же послании государственный секретарь упоминал о пожелании британского правительства в случае, «если невозможно получить ничего, кроме возобновления истекшего договора», согласиться на условия российской стороны, поскольку вряд ли благоразумно «испрашивать у императрицы таких уступок, которые могут отозваться неудачей самого договора»²⁴.

Дискуссии по поводу преференций для английского купечества продолжались и в следующем, 1764 году. Бекингем направил Панину подробный отчет

²¹ Там же. С. 76–77.

²² Там же. С. 164–165.

²³ Там же. С. 70.

²⁴ Дипломатическая переписка... С. 71–73.

о ввозе и вывозе товаров английскими купцами в Петербург в 1763 году. «Ценность вывезенных товаров, считая таможенные пошлины и случайные расходы, простирается до 3 465 000 рублей. Ценность ввезенных товаров — 910 000 руб. Баланс в пользу России — 2 555 000 руб.», — приводил свои доводы в пользу торгового договора посол и далее заявлял: «Меня удивляет, что Россия, не сознавая выгод, извлекаемых ею из торговли с Англией, допускает сомнения насчет своих намерений продолжить их купцам все прежние их привилегии»²⁵. Однако русская сторона продолжала настаивать на своем: торговый договор должен быть подписан одновременно с союзным договором²⁶. Невозможность заключения двух договоров одновременно правительство объясняло неуступчивостью англичан. Как повествовал историк С.М. Соловьев, Панин и вице-канцлер Голицын обыкновенно отвечали Бекингеу, что «виною медленности неподатливость с английской стороны». Госсекретарь Великобритании Сэндвич объяснял дело тем, что в русском проекте имеются два пункта, которые Англия никак не может принять: один касается Польши, другой — Турции. «Англия не может обязаться помогать России в случае ее войны с Турцией по своим существенным торговым интересам, — продолжал государственный секретарь, — не может также обязаться субсидиями для польских дел, потому что ее собственная казна истощена последнею войною и таким обязательством нынешние министры возбудили бы против себя всенародный крик, а на все другие предложения императрицы в Англии охотно согласятся». К Бекингеу был отправлен указ, чтобы он «всячески старался окончить оба трактата — союзный и коммерческий; если же увидит совершенную невозможность успеть в этом, то ожидал бы отзывной грамоты»²⁷.

Убедившись, что англичане не идут на уступки, Россия в марте 1764 года заключила союзный договор с Пруссией, что обеспечило ей поддержку позиций в Польше. В результате подобных действий российской стороны переговоры о союзном и торговом договорах и вовсе зашли в тупик. Таким образом, миссия британского посла оказалась провальной. Официальный Лондон счел необходимым отозвать Бекингема, заменив его в начале 1765 года новым послом — Джорджем Маккартни.

Главное внимание британская сторона продолжала уделять, как и прежде, торговому договору. Однако решить данную проблему в кратчайший срок новому послу также не удалось. «Торговый договор подвигается с необычайной медлительностью», — сетовал Маккартни в своем послании Сэндвичу, с раздражением добавляя: «Да и не может быть иначе в стране, где все это дело ведется какими-то лавками, величаемыми коллегиями, и мелкими купцами, которых им угодно называть членами комиссии». На взгляд дипломата, в медлительности дела не было вины графа Панина, поскольку не было выгоды ни для него, ни для русского народа. «Поэтому я объясняю эту неудачу единственно отсут-

²⁵ Там же. С. 165.

²⁶ Лабутина Т.Л. Неудачная миссия графа Бекингема. Из истории российско-британских отношений второй половины XVIII века // Новая и новейшая история. М., 2015. № 4 С. 173–186.

²⁷ Соловьев С.М. Книга XIII. История России с древнейших времен. М., 1994. С. 381–382.

ствием всякой методичности, преобладающей в делах всей этой обширной империи», — приходил к заключению посол²⁸.

На протяжении четырех месяцев Маккартни вел интенсивные переговоры, которые, по его мнению, наконец, завершились и должны были получить «милостивое одобрение» короля, поскольку он «держался как можно ближе к букве данных... инструкций». <...> «Принимая в соображение, что условия, гарантированные нам, гораздо лучше того, на что рассчитывали наши купцы, а также и то, что купцы эти чрезвычайно довольны договором в настоящем его виде, — докладывал Маккартни министру Графтону 8 августа 1765 года, — я наконец решился подписать трактат». При этом посол ставил себе в заслугу, что выбрал подходящий момент для подписания договора, поскольку в случае перехода власти от Панина к «отъявленным врагам иностранцев» — братьям Орловым, вовсе не удалось бы заключить данный трактат²⁹.

Однако радость Маккартни по поводу столь удачно решенной, на его взгляд, задачи оказалась преждевременной. «Не могу от вас скрыть, что как Его Величество, так и все его министры крайне недовольны тем, что вы решились подписать торговый договор, прежде чем... узнать волю Его Величества относительно условий его, — сообщал в ответном послании герцог Графтон. — Трактат, подписанный королевским министром при иностранном дворе, идет вразрез с инструкциями, данными ему прежней администрацией, без всякого разрешения со стороны настоящей администрации, рассматриваемый в то же время королем как договор, существенно вредный для торговли, что подтверждается и купцами, ни в каком виде не может быть принят нами и ратифицирован Его Величеством». Послу предложили добавить к статье 4 договора Декларацию, в которой речь идет о «расширении российского мореплавания». В Декларации говорилось, что британские подданные будут иметь возможность участвовать во всех предприятиях и извлекать из них такие же выгоды, как и российские граждане... причем упомянутые меры ни в каком случае не будут клониться к уменьшению или ограничению торговли, которую в настоящую минуту подданные Его Британского Величества ведут с подданными Ее Императорского Величества... Декларация эта будет иметь равную силу, как будто бы она была включена в трактат»³⁰.

Маккартни, «движимый», по его собственным словам, «государственными и частными побуждениями», стараясь достигнуть поставленной цели, «с неутомимой энергией и беспримерной настойчивостью» приступил к переговорам с графом Н.И. Паниным. Каково же было удивление дипломата, когда он столкнулся с возмущением сановника. «Он, кажется, был очень удивлен этим предложением, несколько минут молчал, а затем разразился негодованием в таких выражениях, которые ясно доказывали, насколько были поражены его тщеславие и высокое мнение о себе», — извещал посол герцога Графтона. Принять договор с Декларацией Панин категорически отказался. Три дня подряд Мак-

²⁸ Дипломатическая переписка... С. 204–205.

²⁹ Там же. С. 209–211.

³⁰ Дипломатическая переписка... С. 227.

картни приходил к Панину и, всячески «стараясь смягчить его», заговаривал о Декларации. Посол даже обращался за содействием ко многим друзьям савонника, чтобы те оказали на него давление. Однако «все попытки были безуспешными, все усилия оказались тщетными». И тогда Маккартни решил обратиться к самой императрице. Он осмелился говорить о своем деле с Екатериной «в маскарade и чуть не упал перед ней на колени, убеждая ее, но непоколебимость ее превзошла даже обычное женщинам упрямство». Посол был вынужден признать свое поражение, так как был убежден в невозможности добиться от императорского двора уступок. Маккартни сообщил госсекретарю, чем объяснялась подобная несговорчивость российской стороны: «Двор здешний становится с каждым часом горделивее и в ослеплении от настоящего своего благоденствия относится все с меньшим уважением к прочим державам и все с большим восхищением к самому себе. Усилившись союзом с Данией и Пруссией, гордые тем, что назначили короля Польши (Станислава Понятовского. — *Т.Л.*), и воодушевленные своим последним успехом в Швеции, они, по моему убеждению, будут с каждым днем менее умеренны в своих требованиях и более несговорчивы в переговорах. Поэтому, милорд, осмеливаюсь полагать... что обмен ратификаций должен бы произойти как можно скорее, так как всякое новое требование подвергло б нас тем ответам, которые бы им вздумалось дать нам и вызвало бы с их стороны объяснения, несовместные с достоинством Его Величества и невыгодные для интересов его подданных, ведущих торговлю в этой империи»³¹.

Между тем Екатерина II решила сама разъяснить послу причины, вследствие которых для нее было «совершенно невозможно» согласиться на подобную Декларацию. Она не требует «взаимности новых условий с Декларацией, подобной той, какую у нее испрашивают», поскольку Россия от Англии ничего не получает, и потому «это было бы лишь актом прямой зависимости, несогласной с достоинством престола». Господину послу хорошо известен образ мыслей русского двора, продолжала императрица, для того чтобы «допустить возможность склонить его на Декларацию, унижительную для его достоинства и невозможную как по форме, так и по выражениям». Посему императрица повелела своему министерству объявить, что «настоящий шаг составляет ее ультиматум и что она не может согласиться ни на какие другие условия». Екатерина предлагала британской стороне решать, что ей удобнее: «воспользоваться выгодами, возникающими от общения одной дружбы или отказаться от них единственно по неимению права облекать их в законы». Если же ответ короля «будет не таков, каким бы его желали, клонясь к дальнейшей отсрочке обмена ратификаций», то императрица потребует, чтобы немедленно приступили к уничтожению подписей трактата³². Как видно, твердая позиция, занятая Екатериной II в вопросе о Декларации к торговому договору, свидетельствовала об усилении роли Российского государства на международной арене.

³¹ Там же. С. 229–232.

³² Дипломатическая переписка... С. 234–236.

Между тем король Великобритании не сдавался. Он решил увязать принятие Декларации с заключением союзного договора. Король потребовал от посла донести до сведения императрицы, что желает с ней «скрепить теснейший союз», но медлительность с выдачей «форменной декларации» служит тому серьезным препятствием. Поручение Георга III было выполнено, и вскоре Маккартни извещал Графтона о разговоре с Паниным. Граф отвечал ему «сдержанно, но презрительно»: «Как видно, сэръ, у нас никогда не будет торгового трактата; что же касается до союзного договора, то так как это предмет совсем другого рода, то мы займемся им на свободе, когда найдем это всего удобнее для наших взаимных интересов, но, когда наша торговля будет доступна для других наций, не думайте, чтобы предстояла возможность стеснять ее из пристрастия к вам. Давно пора, — продолжал Панин, — положить конец этому делу и приступить к уничтожению подписей, что я и сделаю немедленно в вашем присутствии». Увидев, что Панин уже собирался послать в канцелярию за трактатом, Маккартни «самым убедительным и трогательным образом» упросил его отложить хотя бы на несколько дней исполнение «столь поспешного и крайнего намерения». И хотя Панин обещал, «несмотря на свою непоколебимую решимость», не принимать никаких мер «под влиянием гнева или раздражения», посол пришел к неутешительному выводу: «Окончательная неудача трактата и отмена привилегий, которыми наши купцы пользовались лишь вследствие снисхождения, теперь... неизбежны»³³.

Пытаясь всеми силами отсрочить намерение императорского двора отказаться от торгового договора, Маккартни напросился на прием к Панину. Во время беседы посол поинтересовался у графа, правда ли, что собираются отменить торговый договор, принятый при Елизавете Петровне. «Он очень спокойно ответил мне, что это совершенная правда, — докладывал о результатах беседы госсекретарю Маккартни, — что он часто предупреждал меня, что таково должно быть окончание нашего дела. Далее он сказал... что нет никакой возможности вести переговоры с англичанами на равных правах, что решился он на немедленное исполнение этого намерения в тех видах, чтобы дать здешним английским купцам время предупредить своих друзей в Англии, прежде чем наступит сезон мореплавания, через что они имели бы возможность принять сообразные с этим меры и не потерпели бы убытки, вследствие надежды на трактат, который, быть может, они считали уже оконченным»³⁴. Убедившись из беседы с Паниным, что добиться принятия российской стороной Декларации не представляется возможным, посол еще раз предложил госсекретарю ратифицировать договор с тем, чтобы сохранить все то, что уже было «условлено и приобретено» и чего возможно лишиться, если британская сторона будет настаивать на принятии Декларации. В то же время, чтобы оказать давление на российскую сторону, посол предложил королю объявить о намерении ежегодно посылать в Балтийское море для защиты британской торговли 4 или 5 военных кораблей.

³³ Там же. С. 239, 243.

³⁴ Дипломатическая переписка... С. 246.

Маккартни полагал, что «опасение подобной меры» может побудить Россию согласиться с требованием англичан, а в случае отказа послужит «предлогом для того, чтобы постоянно иметь флот на Балтийском море»³⁵. Дипломат ссылался на имевший место прецедент, когда эскадра под командованием Джона Норриса в 1716 и 1719 годах появилась в Балтийском море, чем вызвала большое недовольство российской стороны³⁶.

Между тем Екатерина II, видя неуступчивость англичан, приказала подготовить указ об отмене прежнего торгового договора. Маккартни не на шутку забеспокоился и в донесении от 15 апреля 1766 года стал чуть ли не умолять официальный Лондон о скорейшем подписании существующего договора без всяких дополнительных условий. «При настоящем положении дел, — писал дипломат, — я с истинным сожалением усматриваю, что нам остается выбирать между двумя исходами, а именно: невозвратно потерять торговый трактат со всеми его выгодами или немедленно согласиться на него на тех условиях, которых, быть может, еще возможно достигнуть». По-видимому, согласие на подписание договора от правительства было получено, так как 23 июля Маккартни сообщал, что был вынужден подписать трактат «в прежнем виде». Король согласился одобрить договор и повелел подготовить ратификацию, хотя и был недоволен тем, что статья 4 не была исправлена в соответствии с английской редакцией. Как бы то ни было, торговый договор был ратифицирован, о чем госсекретарь Конвей известил Маккартни 24 октября. «Ратификации торгового трактата доставили здесь большое удовольствие, — писал он, — хотя, конечно, оно значительно ослаблено усиленными и многократными объяснениями Панина насчет союзного трактата и непреклонной и решительной настойчивостью его и его двора»³⁷. Таким образом, многолетние усилия британской стороны, направленные на пролонгацию торгового договора, наконец-то привели к долгожданной развязке. На взгляд А.Б. Соколова, успеху Маккартни способствовало то обстоятельство, что в 1766 года в Англии пришло к власти правительство У. Питта-старшего, который активно выступал за сближение Великобритании с Россией. Историк также полагал, что торговый договор 1766 года был выгоден для обеих сторон. В качестве аргумента, подтверждавшего данный факт, он приводил высказывание британского ученого П. Кленденнига, который утверждал: «Британское правительство через посредство Русской компании обеспечило себе при-ток сырья для военных дел по выгодным ценам, почти не пожертвовав военными и политическими принципами. С другой стороны, русские могли быть уверены в поступлении английских товаров в связи с установлением низких тарифов»³⁸.

Итак, как можно убедиться, торговые отношения Британии и России с момента их первых контактов занимали первостепенное место в политике обоих

³⁵ Там же. С. 253.

³⁶ Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С. 130–131.

³⁷ Дипломатическая переписка... С. 261, 262, 267–269, 277.

³⁸ Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 262.

государств. Каждая из сторон преследовала собственные интересы, однако российская сторона на первых порах явно уступала своим контрагентам в силу объективных причин (слабости и неэффективности дипломатов, отсутствия коммерческого флота, заинтересованности в зарубежных товарах, недостаток которых постоянно ощущался в стране, стремлении как можно шире и прочнее добиться признания на Западе через торговый диалог, пускай и ценой больших уступок). Однако по мере укрепления позиций Российской империи на международной арене, особенно ставшего ощутимым в правление Екатерины II, стратегия и тактика российского правительства в экономической сфере начинают заметно меняться. Россия уже на равных борется с Великобританией за преференции при заключении торгового договора, не идет на уступки, заставляя англичан принять свои правила игры. В результате усилия британских дипломатов добиться односторонней выгоды при заключении торгового договора оказались безрезультатными. По сути дела, заключение договора 1766 года продемонстрировало не только усиление Российского государства в экономической и военной сферах, но и на дипломатической арене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. [Текст]. — М., 1973.
2. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Ю. Толстым [Текст] // Ю.В. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. — СПб., 1875.
3. Демкин, А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке [Текст]. — М., 1994.
4. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе [Текст] : Сборник исторического общества. — СПб., 1873. — Т. 12.
5. Лабутина, Т.Л. Англичане в допетровской России [Текст]. — СПб., 2011.
6. Лабутина, Т.Л. Британцы в России в XVIII веке [Текст]. — СПб., 2013.
7. Лабутина, Т.Л. Неудачная миссия графа Бекингема. Из истории российско-британских отношений второй половины XVIII века [Текст] // Новая и новейшая история. — М., 2015. — № 4. — С. 173–186.
8. Мартенс, Ф. Россия и Англия в продолжении XVI и XVII веков [Текст] // Русская мысль. — М., 1891. — Кн. I.
9. Матвеев, В.М. «Дипломатия в верхах» в XVII веке. Петр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне (1697–1698) [Текст] // Петр Великий — реформатор России. — М., 2001.
10. Минаева, Т.С. Россия и Швеция в XVIII веке: история таможенной политики и таможенной системы [Текст]. — Архангельск, 2009.
11. Соколов, А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. [Текст]. — Ярославль, 1992.
12. Соловьев, С.М. Книга XIII. История России с древнейших времен [Текст]. — М., 1994.
13. Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents [Text]. — L., 1998.

14. Kryatova, D. British Merchants in Russia in the 18-th Century [Text] // Russian-British Links. Proceedings of the Conference Held in Saint-Petersburg in 2000 and 2001. — St. Petersburg, 2002.

15. Tudor Economic Documents Principal Navigation [Text]. — Glasgow, 1973. — Vol. II.

REFERENCES

1. Alpatov, M.A. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa XII–XVII vv. [Text] [Russian historical thought and Western Europe in the 12–17th centuries]. — M., 1973.
2. Gramoty, sobrannye, perepisannye i izdannye Yu. Tolstym [Text] [Diplomas, collected, copied and published by Yu. Tolstoy] // Tolstoy, Yu.V. Pervye sorok let snosheniya mezhdu Rossiey i Angliyei. 1553–1593. — Tolstoy, Y.V. The first forty years of relations between Russia and Britain. 1553–1593. — SPb., 1875.
3. Demkin, A.V. Russko-britanskoe torgovye otnosheniya v XVIII veke [Text] [Russian-British trade relations in the 18th century]. — M., 1994.
4. Diplomaticheskaya perepiska angliyskikh poslov i poslannikov pri russkom dvore [Text] [Diplomatic correspondence of British ambassadors and envoys of the Russian court] // Sbornik istoricheskogo obschestva. — Collection of the Historical society. — SPb., 1873. — Vol. 12.
5. Labutina, T.L. Anglichane v dopetrovskoy Rossii [Text] [The British in pre-Petrine Russia]. — SPb., 2011.
6. Labutina, T.L. Britantsy v Rossii v XVIII veke [Text] [Britons in Russia in the 18th century]. — SPb., 2013.
7. Labutina, T.L. Neudachnaya missiya grafa Bekingema. Iz istorii rossiysko-britanskikh otnosheniy vtoroy poloviny XVIII veka [Text] [Failed Mission Earl of Buckingham. From the history of Russian-British relations in the second half of the 18th century] // Novaya i noveyshaya istoriya. — Modern and Contemporary history. — M., 2015. — N 4. — P. 173–186.
8. Martens, F. Rossiya i Angliya v prodolzhenii XVI i XVII vekov [Text] [Russia and England in the continuation of the 16–17th centuries] // Russkaya mysl'. — Russian thought. — M., 1891. — Bd. I.
9. Matveev, V.M. “Diplomatiya v verkhakh” v XVII veke. Petr I i Vil'gel'm III v Utrekhte i v Londone (1697–1698) [Text] [“Diplomacy at the top” in the 17th century. Peter I and William III in Utrecht and London (1697–1698)] // Petr Velikiy — reformator Rossii. — Peter the Great — Russian reformer. — M., 2001.
10. Minaeva, T.S. Rossiya i Shvetsiya v XVIII veke: istoriya tamozhennoy politiki i tamozhennoy sistemy [Text] [Russia and Sweden in the 18th century: the history of customs policy and customs system]. — Arkhangelsk, 2009.
11. Sokolov, A.B. Navstrechu drug drugu. Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv. [Text] [Towards each other. Russia and England in the 16–18th centuries]. — Yaroslavl, 1992.
12. Solov'ev, S.M. Kniga XIII. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [Text] — [Book XIII. History of Russia since ancient times]. — M., 1994.
13. Britain and Russia in the Age of Peter the Great [Text]. — Historical documents. — L., 1998.

14. Kryatova, D. British Merchants in Russia in the 18-th Century [Text] // Russian-British Links. Proceedings of the Conference held in Saint-Petersburg in 2000 and 2001. — SPb., 2002.

15. Tudor Economic Documents Principal Navigation [Text]. — Glasgow, 1973. — Vol. II.

T.L. Labutina

**BRITISH DIPLOMATIC ATTEMPTS AT UPHOLDING PREFERENCES
OF THE TRADE TREATY OF 1766
(BASED ON BRITISH DIPLOMATIC CORRESPONDENCE)**

The paper treats British diplomatic attempts at upholding preferences of a trade alliance with Russia signed in 1766. The analysis of the issue is forestalled by a prehistory of Russian-British relations development since 1553–1556, when the two countries started their economic and diplomatic cooperation. The author maintains that British-Russian commercial relations were of primary importance for both countries. The author highlights active involvement of English merchants in British Russian trade cooperation and passive participation of Russian merchants, which can be accounted for by a number of objective reasons, such as weak government, which tried to win European acceptance through considerable abatements. In the 18th century a stronger Russian government changed its behavior in the world arena, and managed to uphold certain preferences of the trade alliance. It can be well illustrated by the Russian-British trade agreement of 1766. In spite of numerous efforts of British diplomats (Duke of Buckingham and J. McCartney), whose work is analyzed in the present article, the trade agreement signed in 1766 was favorable to Russia. However the trade treaty was beneficial to both countries and promoted their economic relations.

Great Britain, Russia, the 18th century, British diplomats, Duke of Buckingham and J. McCartney.